

**БОРИС
ВАСИЛЬЕВ**

ПУТЕ АНГЕЛ НЕ ПОМЕХА

16+

Борис Васильев

Пуле ангел не помеха

«ЛитРес: Самиздат»

1996

Васильев Б. А.

Пуле ангел не помеха / Б. А. Васильев — «ЛитРес: Самиздат»,
1996

Повесть «Пуле ангел не помеха» вторая часть трилогии «Спиралью выются чьи-то судьбы». Их подбирали по особым критериям. И не ошиблись. Однополчане даже на дружескую встречу явились вооруженные. А как иначе, если каждый в другом видит реальную опасность? Ну и, конечно: пришел - увидел - застрелил. А если что - под рукой всегда найдется железный прут. Ангелы-хранители пытаются спасти своих подопечных. Но над всяким ангелом, как известно, есть свой архангел. А еще есть седьмой - смерть несущий архангел Гавриил. От него все и зависит. А как же наши герои - Ким Логвинов, Виктор Стрельников, Илья Карзанян? Они-то что же? Известно, что: занимаются своей будничной работой - исправляют ошибки ангелов. Вот только не все у них получается. А все из-за Гавриила.

© Васильев Б. А., 1996

© ЛитРес: Самиздат, 1996

Борис Васильев

Пуле ангел не помеха

1

Голову сдавило, тошнотворный комок поднялся к самому горлу и долго не опускался, хотя, едва проснувшись, он принял спасительную таблетку. Но сегодня она плохо помогала.

С тех пор, как его поселили в этих апартаментах под самой крышей ветхозаветного, чудом уцелевшего среди бетонных коробок деревянного особняка, каждое утро начиналось с пробуждения голубей на чердаке. Нет, это не было, как когда-то в детстве, умильное воркование божьих птиц. Полчища клювастых ящеров принимались гудеть, скрипеть и гоготать так, словно над самой его головой начинались каменоломные работы и грохот падающих глыб, осыпающихся булыжников пронизывал острый и длинный, как предсмертный крик, скрип давно не смазанных проржавевших вагонеток. От этого резонирующего в деревянной пустоте грохота и визга начинали дрожать стекла в многочисленных узких окнах. И уже до самого вечера Виктор не мог избавиться от гула в ушах. Все казалось, что он в БТРе, который чуть было, не стал его могилой, и по броне непрерывно колошматят комья твердой земли, ухают осколки скалы, раздробленной разорвавшимся поблизости фугасом, и с печальным стоном рикошетят, будто сожалея, что не добрались до его черепа.

На войне он разучился говорить нормальным голосом и, вернувшись, первое время чуть ли не кричал, боясь, что его не услышат. Но его и не слушали. Ему досаждали постоянный шорох, посторонние звуки в голове. Такой же стеной, как и его усиливающаяся глухота, но еще более жесткой и непроницаемой отделился от него тот мир, в котором он когда-то надеялся почувствовать себя хозяином.

Виктор слегка приподнялся и, наконец, сел. В голове начинало проясняться. Приняв еще одну таблетку, он удобнее устроился в постели, подложив под спину подушку. Голуби, черт бы их побрал, разлетелись по городу в поисках жратвы. Оставшиеся в гнездах немного утихли, но продолжали ворчать и пронзительно скрипели. Но это было уже терпимо. Лекарство подействовало, и у него поубавилось желания немедленно разодрать эти клекочущие глотки.

Теперь, в новом его положении, каждый день для Виктора Стрельникова начинался с вопроса: «Хочется или не хочется?» Если не хотелось ничего, он мог часами напролет лежать в постели, уставившись в одну точку – без мыслей, без эмоций – пустой, словно бочка из-под солянки на обочине дороги. Он не представлял себе, что после всего пережитого ему предстоит что-то еще более тяжелое и, похоже, вовсе непереносимое. Менялся не только образ жизни и образ мыслей. Все существо его коверкалось, сопротивляясь переделке. «Вот так, наверное, и происходит «ломка» у наркоманов, когда организм изнывает по естественному существованию в гармонии с самим собой и тело разваливается на составляющие части, – думал он. – Надо с этим кончать, а то недолго и полностью раствориться в этом котле бредовых мыслей и ощущений».

С трудом доплетаясь до ванны, Виктор включил холодный душ, встал под него и окаменел под тугими струями ледяной воды. Он, наверное, стоял бы так еще долго, если бы за шумом воды не расслышал назойливого дребезжания мобильного. Не вытираясь, Виктор прошлепал в комнату. Звонок раздавался откуда-то из-за кровати. Запустив под нее руку и нашарив, наконец, телефон, он поднес его к уху. Но звонки уже прекратились.

Произошедшие накануне события вспоминались с трудом, преодолевая на своем пути к осознанию путаницу мыслей, обрывки каких-то слов, фрагменты лиц и нагромождение звуков. Он точно знал, что никто не должен был звонить ему в это время. Наверное, что-то произошло

или он сам с кем-то договаривался созвониться, а сейчас не может об этом вспомнить. Ленька? Вчера он дал ему свой номер. Значит, должен был и его где-то записать. Вот только где?

Пошарив по карманам, он не обнаружил ничего, кроме служебного удостоверения и нескольких сторублевок. Пистолет тоже был на месте. Он уже собирался повесить кобуру на спинку стула, как вдруг явственно почувствовал запах пороховой гари. Вынув пистолет, он убедился, что тот стоит на предохранителе. На всякий случай отвел затвор. Патрон, почему-то был в патроннике. Вынув обойму, он пересчитал оставшиеся патроны. Их было только шесть. Значит, стрелял. Причем, дважды. Этого еще не хватало! В кого стрелял? Где? Почему? Убил? Ранил?

Сев на кровать и обхватив ладонями мокрую голову, он попытался сосредоточиться, как можно подробнее восстановить события последних дней. Но, чем больше напрягался, тем труднее было это сделать. В памяти возникали картины и эпизоды один другого нелепее.

Виктор прикрыл глаза, и на миг возникшее перед его глазами лицо Вовки Погорелова превратилось в оскаленную, утыканную золотыми зубами пасть на обгоревшем лице борода-того чеченца, все еще сжимающего в костяшках обуглившихся пальцев автомат с обгоревшим прикладом.

Смрад горелого мяса, перемешанный с запахом жженой резины и раскаленного металла – того, что осталось от взорванной «Нивы» – ударил ему в ноздри, и Виктор глухо застонал. Из небытия выплыла самодовольная физиономия Остапчука с широко раскрытыми глазами, в которых отражались, летящие под гору пустые пивные банки и опорожненные водочные бутылки. Они тут же превращались в лица мальчишек, заливавшиеся кровью после каждого выстрела. Откуда-то Виктор знал, что эти мальчишки – солдаты, только что призванные на службу. Он хотел заслонить их собою, отвести направленную на них руку с пистолетом, но почему-то не делал этого. А снайпер с горы все стрелял и стрелял, и на месте упавших появлялись другие мальчишки, такие же беспомощные и жалкие в своей покорности. Вот один из них с продырявленным пулей черепом двинулся навстречу Виктору и превратился в Леонида Портнова. Белесые волосы на его лбу, будто специально кем-то раздвинутые, открывали зияющую рану, извергавшую месиво из крови и мозгового вещества, которое медленно стекало ему на плечо. Лентя что-то говорил, отчаянно шевеля губами, но никто – ни стоящий рядом Востриков, ни Остап, ни Селезень – не мог разобрать ни слова. Стояли, как вкопанные, и безучастно глядели на происходящее. Но вот Генка Селезнев, словно очнувшись, шагнул навстречу Леониду. Он шагал, не чувствуя боли, медленно, с видимым напряжением продвигался вперед, и автомат на плече с расщепленным пулей прикладом слегка покачивалась в такт его шагам.

От всего увиденного Виктора замутило. Он встал с кровати, подошел к окну, открыл сразу обе створки. В помещение ворвалась волна прохладного свежего воздуха. Он вздохнул полной грудью, и слабость отступила. Стоя перед распахнутым окном и стараясь ни о чем не думать, он любовался яркими оранжевыми и желтыми листьями деревьев на фоне бирюзово-синего неба. По парку в сторону Вечного огня двигалась торжественная процессия – молодожены в сопровождении многочисленных друзей и родни. И тут лицо Виктора просветлело. Он вспомнил: все именно так и начиналось. Со свадьбы.

2

С Леонидом встретились около шести вечера около здания районной администрации. Это точно. Портнов, как он и рассчитывал, сам пригласил его в «Дубраву», повел в малый зал. В небольшом, но изящно отделанном холле царил полумрак, свидетельствующий о том, что новых гостей тут не ждут. Дверь слева была плотно закрыта, но оттуда доносились звуки оркестра. Всю правую стену занимал огромный, свисающий с потолка чуть ли не до пола ковер, непонятно зачем здесь оказавшийся и выполняющий неизвестно какую функцию. Лео-

нид открыл дверь слева, и, когда они проходили через большой зал, где в это время широкая свадьба уже вступала в состояние глубокого загула, его окликнул невероятной толщины усатый господин. Подойдя и по-приятельски приобняв Портнова, он не отпускал его до тех пор, пока тот не согласился принять участие в торжестве. Напрасно Леонид объяснял, что пришел в ресторан не один. Их усадили за один из столиков в стороне от большого общего стола.

Таких столиков, предназначенных, должно быть, для второстепенных гостей, было несколько. За некоторыми из них уже сидели пожилые пары – то ли родители друзей, то ли дальние родственники, которых и не пригласить нельзя, и видеть не хочется. «Ох, уж эта русская свадьба! Наверное, нигде в мире таинство венчания и торжество бракосочетания не умеют превратить в беспощадный запой, в который стремятся втянуть как можно больше народу, – подумал тогда Виктор. – Отбирая по списку тех, кого нужно позвать непременно, родители молодоженов обязательно оказываются перед выбором: или раскошелиться по самое некуда, или испортить на долгие годы отношения, а то и вовсе расстаться, с теми, кто оказался в числе вычеркнутых».

Это не могло быть случайностью: слишком хорошо все складывалось. На его месте должен был сидеть Валерка Рогов. Так и планировалось с самого начала. Но, когда Виктор доложил полковнику Логвинову, что его активно приглашают на встречу однополчан, где собираются присутствовать и те, кто именно сейчас очень интересуют управление, план решили в корне изменить. Теперь Рогов находился снаружи, во главе группы обеспечения, и Стрельников в ресторане. Он оказался именно там, где ему было нужно и именно в то самое время. Это настораживало и заставляло искать какой-то второй, задний план в происходящем. Но, то так, то эдак оценивая обстановку, Виктор раз за разом приходил к выводу, что по-другому и быть не могло. Скорее всего, Леонид, никогда не отличавшийся широтой натуры, знал о предстоящем торжестве, и рассчитывал на приглашение, намеренно замедлив шаг, когда проходил через свадебный зал. Усатый толстяк, выдававший замуж дочь, не упустил возможности «прогнуться» перед главой местной администрации. И кто бы его осудил за это? Понятно же: кем бы ты ни был, какими бы деньгами ни ворочал, ты – никто, если у тебя нет своего человека, состоящего при власти. Не так, уж, в общем-то давно Виктор был уверен, что пока он воевал, жизнь вокруг должна была круто измениться. Но нет, мир не перевернулся, люди остались продуктом своего, не далеко ушедшего времени, когда любой мало-мальски заметный начальник для тебя всегда желанный друг и званный гость уже потому, что ты от него зависишь. А сейчас тем более. Теперь любой чиновник хорошо понимает, что, если умело пользоваться своим положением, не надо ничего просить. Состоятельные господа сами все принесут, и будут счастливы, если их дары будут благосклонно приняты. Самому же Виктору были совершенно безразличны тонкости этого политеса. Он достаточно близко знал Портнова, знал и то, зачем он его сюда привел. Договориться о встрече с мужиками можно было бы и по телефону, а вот шкурные вопросы быстрее решаются за белой скатертью. Еще полгода назад Леонид закидывал удочку по поводу машины. Ему нужен был «Мерседес». И не потому, что автомобиль этой фирмы стал символом состоятельности и признаком респектабельности. Тут дело было в другом. На такой машине ездил его отец, во время своей службы в Германии, задолго до того, как пала печально знаменитая берлинская стена. Леонид тогда был еще ребенком, но хорошо помнил запах обивки сидений, особый ход «Мерседеса», звук его как-то по-особому мягко урчащего двигателя. Раньше, будучи на виду, он не мог позволить себе такую машину. Само слово «Мерс» в сочетании с должностью вызывало бы ассоциацию с мерзавцем. Теперь, когда стало очевидно, что на следующий срок его не переизберут, он собирался выходить из тени и официально заниматься только бизнесом. У него появлялась возможность воплотить свою давнюю мечту.

Он выбрал «пятисотый», цвета серебристый металлик.

– Есть? – спросил он Виктора по телефону, когда узнал от кого-то из своих многочисленных знакомых, что его давний, еще по первой чеченской войне, приятель, работающий в ГИБДД, промышляет иномарками.

Это был странный и неуместный вопрос. Ни у кого в наличии никогда ничего не было. И быть не могло. Машины поставляли «под заказ».

– Будет, – прозвучало в ответ, – были бы «бабки».

И это было истинной правдой. Вот в этом Виктор был чистосердечно искренен, потому что в окружающей его действительности не было ничего, что нельзя было бы достать за деньги. А деньги у Портнова водились, хотя он это тщательно скрывал даже от самых близких друзей.

Портнов, видимо, решил поставить вопрос ребром и обсудить детали сделки. Для этого и организовал, так кстати для Виктора, эту встречу. Но начать разговор все никак не удавалось. Приходилось то и дело подниматься и присоединяться к очередному тосту за счастье молодых. Хочешь – не хочешь, а нужно было создавать видимость участия в общем торжестве.

– Как же так, Леонид Георгиевич! Что же вы тут? Я бы вам приготовила отдельный кабинет, если бы знала, что вы придете, – раздался рядом капризный звонкий голосок. Перед ними стояла живая театральная кукла. Невысокая, скорее даже миниатюрная фигуристая женщина совсем не на много возвышалась над сидящими мужчинами. Длинные, изумительно красивые каштановые волосы растекались по ее плечам, сливаясь с норковой накидкой, от чего казалось, что она по пояс обвита волосами. Густо оштукатуренное лицо выражало уныние с примесью обиды. Губки, резко оконтуренные красным, припухли, будто она была готова вот – вот расплакаться. Но на самом деле в темных с поволокой глазах не было ни малейшего разочарования. Одно только озорство, а точнее кокетство, которое, видимо, никогда не покидало ее – своего рода маска, под которой могло скрываться что угодно.

– Познакомься, Эльвира, – не поднимаясь со своего места, – небрежно произнес Леонид. – Это – мой друг Виктор Стрельников. Мы его Стрельцом зовем. Впрочем, это неважно, сегодня он мой гость.

– Ну и ладно, – равнодушно произнесла женщина. – Гость и гость. Мне-то какое дело? Вы, главное, про мою просьбу не забудьте.

– Которую из просьб? Присядешь с нами? – спросил Леонид. Садись, поболтаем.

– Не могу, я – на работе. А вот вы Леонид Георгиевич, могли бы заглянуть ко мне. – Она чуть заметно повела головой в сторону дверей. – А я бы вам напомнила.

– Ладно, попозже.

– Это что за фифа? – спросил Виктор, когда экзальтированная дама, плотно закутавшись в накидку и задрав подбородок, отошла на приличное расстояние.

– Хозяйка ресторана.

– И только? Что-то на тебя не похоже. Она же в юбке, а ты, ведь, прежде ни одной не пропускал.

– Ладно, учуял. Машину она просит помочь ей поменять. Прошлогодняя, видишь ли, ей уже не по статусу. Не откажешь же: лакомый кусочек.

– Так бы и говорил. Ты, я смотрю, и здесь время зря не теряешь. Как всегда, в атаке?

– Нет уж, теперь бабы сами на меня охотятся, – рассмеялся Леонид. – Остается только выбирать.

– Из кого выбирать? Торгаши да вот такие доморощенные бизнесвумен.

– Ну, не скажи. Среди них такие попадают... Элька тоже не просто так. Актрисой была.

– С ее-то данными?

– Ты не смотри, что Дюймовочка. Она даже в кино снималась.

– И на гонорары ресторан построила?

– Ресторан это – муж. Он у нее крупный предприниматель. Немец, в Мюнхене живет. А здесь у него свой бизнес. Полмиллиона долларов вложил. И еще столько же потребуется,

чтобы все здесь до ума довести. Второй этаж только начали ремонтировать. Там работы еще на год. Я тебе потом покажу. Наверху будет огромный зал в старинном стиле, с колоннами и со всякими там финтифлюшками на потолке.

– Прогорит же...

– Элька-то? Точно прогорит, если нос в дела сунет. Только не она здесь управляет. У нее свой директор – головастый мужик. Хват. Рубля мимо не пропустит

– Тоже «друг», как ты?

– Это вряд ли. Он – «голубой». У него на женщин ... ну, сам понимаешь. А там, кто их разберет этих разноцветных, что у них на уме. Расскажи лучше, как сам?

– Да ничего. Идет дело помаленьку.

– Так уж и помаленьку? Я слышал, ты себе целый этаж в особняке отхватил. Чего же не весь дом?

– А ты бы сейчас взял себе хату в полторы тысячи метров?

Леонид неуверенно пожал плечами.

– То-то, боишься. И мне светиться ни к чему. Я же на службе, мне до пенсии еще трубить и трубить.

– До пенсии! – громко, так, что сидящие за соседними столиками невольно повернулись в их сторону, воскликнул Леонид и зашелся в хохоте. Отсмеявшись, он протер ладонью заслезившиеся глаза. – Это что, новый анекдот: милиционер на пенсии? Да ты же будешь «рубить капусту» пока ноги не протянешь. Кто в это дело влез, никогда не бросит.

– Ты бы еще громче орал – цыкнул на него Стрельников.

– А я что? Гол, бос и сир. На государевой службе не очень – то разгуляешься.

– Ну да, а сорок штук за «Мерс» – бабушкино наследство?

– Ты же говорил, тридцать три.

– Это, когда было-то? Инфляция, знаешь ли. Да и не так просто теперь. Одна таможня сколько дерет. А кроме того, одному дай, другому... Так что бери пока сороковник. Да и какая тебе разница, двадцать – сюда, двадцать – туда.

– Такая разнится, что один ..., а другой – дразнится.

Виктор устал от напряжения, вспоминая события прошлого вечера. Он поднялся с кровати, попытался сделать зарядку. Начал размахивать руками. Голова тут же закружилась. Он без сил опустился обратно. Сдаваться не хотелось, но он чувствовал, что долго так продолжаться не может. Когда-то придется честно признаться самому себе, что лупоглазый врач все-таки оказался прав: в поля, в луга, а лучше в горы с отарой. Подобные мысли в последнее время все чаще лезли в голову. Вчера он тоже подумал об этом, когда почувствовал приближение очередного приступа, сидя рядом с Леонидом.

В нарастающем шуме голосов, из-за оглушительной музыки они с трудом могли слышать друг друга. Многие гости уже успели забыть, по какому поводу здесь оказались. Молодые то танцевали в окружении подруг со своими кавалерами, то шушукались, и, по всей видимости, недоумевали: зачем отец пригласил столько незнакомых людей, для которых их свадьба – повод встретиться и обсудить свои дела или просто выпиться, а в пьяном угаре найти подходящий повод для выяснения отношений.

Пока все складывалось. Хотя рано или поздно пришлось бы придумывать отговорку, объяснять Леониду, почему он до сих пор не выполнил своего обещания и все еще не достал машину. Но сейчас было не до этого. Слава Богу, и Портнов пока не продолжал разговора на скользкую тему. Виктор время от времени обводил зал взглядом, пытаясь разглядеть того, ради кого сюда пришел. Но его все не было. Конечно, он мог и вовсе не появиться. Случалось, и не раз, что оперативная информация оказывалась блефом. Тут тем более: информатор мог что-то неправильно понять. А может, его просто обманули. Это означало бы одно из двух: или он «под колпаком», или ему не доверяют.

- Тебе Игорь звонил? – оторвал его от невеселых размышлений Леонид.
 - В прошлую среду.
 - И о чем договорились?
 - Как всегда, ни о чем. Так, поболтали про то, про се.
 - Мне тоже недавно звонил, приглашал завалиться к нему на следующей неделе в коттедж.
 - А, лабуда это все. Сколько лет все договариваемся, а как до дела, так то у одного переговоры, то у другого неприятности.
 - Он Погорелова у себя поселил, – как бы между прочим сказал Леонид, внимательно глядя на Виктора. – Вован у него за сторожа и вообще, по хозяйству.
 - Что? Неужто еще жив курилка?
 - А что ему будет? Вроде завязал.
 - Как же, завяжет... Он еще тогда с бутылкой на пост ходил.
 - Вот с пьяных глаз и жажнул.
 - Думаешь, он?
 - А кто еще? Я за блоком стоял. Граната чуть не над ухом у меня просвистела. А сзади только он был да Востря.
 - Ну, завел свою песню. Я слышал, как ты у прокурора всех валил, только чтобы самому отмазаться. Забудем об этом. Что случилось, то случилось. Может оно и к лучшему. А то трубили бы, как я, и еще не известно, вернулись бы или нет. А так все при деле.
- Вспоминая события той поры и последовавшие за ними передраги, Виктор должен был честно признаться самому себе, что его мало волновала судьба бывших сослуживцев. Но другой общей темы для разговоров у них не было и оставалось продолжать начатую. Тем более, что в этот вечер с Лентей его свело не столько общие знакомые, общее, хотя и сравнительно короткое прошлое, сколько сегодняшняя необходимость.
- Не до сослуживцев ему было. Хотя не все у него самого в жизни складывалось, как хотелось бы, Виктор никогда не задавался вопросом, оставаться в милиции или уходить. Службу для себя он считал естественным состоянием, при этом, еще с тех пор, когда был постовым, полностью отдавая себе отчет в том, что житейского благополучия ожидать не приходится. Про других знал мало. Все как-то вросли в мирную жизнь. Погорелов, конечно, не в счет. Вовка на «гражданке» так и не устроился. Первое время работал охранником в какой-то фирме, откуда его вскоре вытурили. Потом пропал куда-то на несколько лет. А вот теперь, оказывается, живет у Игоря Остапчука в его загородном доме. Сам Остап – другое дело: развернулся, в мэры метит. В новую жизнь он вписался четко и на хорошей скорости, как вписывался в вираж, гоня на своем «Харлее». Вскоре после вынужденного увольнения из милиции он решил наладить выпуск пельменей. На двоих с Леонидом Портновым они купили списанный автомат для их изготовления. Мясо, в основном, пашину, закупали в соседних селах, благо у Портнова были в районе обширные связи. Это сырье не пользовалось особым спросом и его удавалось приобретать по дешевке. Муку, специи и лук брали оптом на базах. Тогда дело пошло, тем более что изголодавшееся по нехитрому продукту население не особенно привередничало. Покупатели с утра ожидали у магазина очередной поставки и сметали все подряд. Вскоре Леонид подался в политику, решив, что бизнес не его стезя и гораздо проще и легче разжиться, став во главе районной администрации. Но заработанных денег из дела не изъял, надеясь на деловую хватку Остапчука. И не прогадал. Года через три Игорь сумел расширить производство. Арендовал бывшую домовую кухню, превратив ее в цех по производству замороженных полуфабрикатов со своими промышленными холодильниками, оснащенными оборудованием для шоковой заморозки. Закупил несколько «Газелей» и теперь снабжал различными замороженными полуфабрикатами всю область.

В последнее время он редко появлялся на производстве. Хорошо налаженное дело под присмотром квалифицированных специалистов, которых Остапчук заманил к себе приличной зарплатой, функционировало будто само по себе, регулярно принося солидную прибыль. Сам же он занимался, и не скрывал этого, тем, что искал возможность сбыта продукции за пределами области. У него уже зрели планы организации завода, но их осуществлению могли помешать конкуренты, которые время от времени выбрасывали на рынок свои новинки. Сейчас все решали деньги. Если бы ему удалось быстро провести реорганизацию и закупить высокопроизводительное зарубежное оборудование, никто за ним не угнался бы. Проблема была в том, как «отмыть» имеющийся капитал, которым Остапчук располагал в более чем достаточном объеме. Даже его партнер Леонид Портнов не догадывался, в каком. Впрочем, он об этом Игоря и не спрашивал, как и сам Остапчук, ни разу не поинтересовавшийся, откуда Портнов взял свой вклад в их общее дело. Хотя подозревал, что у обоих у них источник один и тот же. Во всяком случае, ни тот, ни другой за кредитами в банк не обращался.

3

Свадьба гудела и стонала. Гости, забыв о молодых, разбившись на группы и не обращая внимания на обновляемые время от времени блюда, обмывали какие-то свои, одним им ведомые события. Вот кто-то, внезапно вскочив из-за стола, пустился в пляс под нескончаемую музыку, прихватив по пути к освобожденной специально для танцев площадке, подвернувшуюся под руку женщину. Та, поддавшись общему бесшабашному веселью, охотно устремила в круг вслед за кавалером. На трезвый взгляд происходившее походило на празднование последнего дня перед концом света. Гости отрывались так, будто для них никогда уже не наступит завтра и никто из присутствующих больше не увидит ничего, кроме вечной темноты и безмолвия. Стрельников же с Портновым, опорожнив за вечер только половину бутылки коньяка, находились по другую сторону событий, словно противопоставляя себя обстановке и вырвавшимся на волю инстинктам, и не испытывали потребности влиться в общее веселье. Теперь, когда «перетерли» друзей-приятелей, вспомнили объединявшие их когда-то события, кое-кого из новых знакомых и настало время расходиться, Виктору окончательно стало ясно, что не случайно Леонид так охотно согласился на сегодняшнюю встречу. Но, как ни старался, он не мог представить, что могло бы послужить истинной причиной, и терялся в догадках. Конечно, не ради того, чтобы сбить цену на автомобиль, Портнов затеял разговор о прошлом, как бы невзначай спросил об Игоре Остапчуке и возможной общей встрече, упомянул о Погорелове. Он и прежде ничего не делал просто так, не подразумевая собственной выгоды, и сейчас вел себя сообразно обстановке, давая понять, что главный разговор еще впереди. Вряд ли он догадывался об истинных намерениях Виктора: не его это сфера. А там, кто его знает, как повернется. В любом случае на помощь Леонида не приходилось рассчитывать, как, впрочем, и на чью-либо еще. Что бы ни произошло, никто не откликнется – зови, не зови. Никто из тех, кто сейчас сидит в машинах, припаркованных около ресторана, перекрывает выходы из здания да, наверное, уже и находится среди танцующих, его, Стрельникова, знать не знает. От него они ждут только сигнала. Остальное сами все сделают.

Серьезных причин для беспокойства пока не было. Виктор, сколько ни присматривался, не видел в зале никого, кто хотя бы отдаленно похож на того, ради кого отдел заварил всю эту кашу. А если совсем не явится? Тогда псу под хвост полтора месяца этой изнуряющей противоестественной для него жизни. «Возраст что ли сказывается, – подумал про себя Виктор. – Да вроде бы не такой уж я и старый. Что же так тяжело? Видно, не каждому по нутру такое существование. Тут кроме лошадиного здоровья нужен еще и определенный настрой, предрасположенность к барскому образу жизни. А какой у меня может быть настрой, если никогда не

помышлял о том, что придется оказаться не зрителем, а участником чужого и чуждого праздника жизни?»

– Востря-то чем занимается, не знаешь? – спросил Виктор, чтобы поддержать затухающий разговор. На самом же деле о капитане Александре Вострикове, с которым ему довелось служить в Чечне, он был неплохо осведомлен.

– У-у-у! Он теперь большой человек, – рассмеялся Леонид. – В администрации губернатора. По хозяйственной части. «Чегом изволите?» работает. Знаешь такую должность? У начальников бывают помощники – левая рука, правая рука. А этот – хвостик. Куда губернатор махнет, туда наш капитан и летит. Выполняет функции жизнеобеспечения.

– Ясно, – буркнул Виктор. На самом же деле ему ничего не было ясно. По тем данным, что он располагал, Востриков устроился водителем на губернаторскую автобазу, потом был телохранителем. А сейчас, вишь, вырос до приближенного. Этого в приготовленной для Виктора справке почему-то не отметили.

Воспользовавшись тем, что Портнов вышел в туалет, Виктор проглотил таблетку, запив ее наполненным до краев бокалом минералки. Ставя его на стол, он заметил, как со стороны танцевальной площадки к нему приближается высокая, с пышной прической черноволосая девушка, на которую он уже давно обратил внимание. Она, видно, не пропустила его, несколько раз брошенных на нее взглядов.

– Что же вы не танцуете? – смело, даже с некоторым вызовом в голосе спросила она. – Свадьба же, не поминки. Я давно жду, когда вы меня пригласите.

– Виктор, – представился он, поднимаясь и прикидывая, какой принять тон в неожиданно возникшем разговоре.

– Меня зовут Ксения, – отозвалась девушка и, бесцеремонно взяв его за руку, повела к площадке. Проходивший в этот момент навстречу им Леонид, только хмыкнул, встретившись взглядом с Виктором, и пошел на свое место.

Они танцевали молча, но при этом пристально разглядывали друг друга, словно оценивая, кто насколько пьян и стоит ли продолжать знакомство.

– Ты ее знаешь? – спросил Виктор, присаживаясь к своему столику и оглядываясь на Ксению, которую он оставил в группе гостей, окружавших молодоженов.

– Откуда? Я что, по-твоему, всех в районе должен знать? Наверное, какая-нибудь подруга невесты.

– Ну, ясное дело, не с улицы же. Только, когда мы с тобой пришли, ее здесь не было.

– А ты сечешь.

– А нам по-другому и нельзя, – отшутился Виктор. – Чуть зазеваешься, такие водилы вроде тебя, враз по асфальту так размажут, что никаким скребком потом не отскребешь.

– Что-то я тебя на перекрестке давно не встречал, – усмехнулся Леонид.

– А мне там и делать нечего. Я же в группе разбора. Там, что ни день, таких врагов себе наживаешь... Проглотят и не поперхнутся.

– Бывает, – рассудительно заметил Леонид. – Да только не тебя. Я слышал, ты сам, кого хочешь, того самого ...

– Ладно, я пошел, – Виктор встал из-за стола, чтобы не углубляться в опасную для него тему. – Обещал ее на следующий танец пригласить.

Партнерша, показавшаяся ему в первый момент острой на язык, на самом деле оказалась не очень-то словоохотливой. Она вымученно улыбалась и односложно отвечала на ни к чему не обязывающие пустые вопросы, которые из вежливости задавал Виктор, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

Танцуя и ломая голову, зачем Ксения напрашивалась на знакомство, если, как сейчас стало понятно, совсем им не интересуется, он не переставал наблюдать за происходящим вокруг. В какой-то момент необъяснимым чутьем, которое иногда выручала его в минуты опас-

ности, он уловил устремленный на них пристальный взгляд. Будто невзначай обернувшись, Виктор увидел того, кого ожидал уже несколько часов в этом ресторане. Мужчина ничем особо не выделялся среди прочих. Темные, с серебристой проседью волосы и усы были аккуратно подстрижены. Карие, глубоко посаженные глаза выражали легкую заинтересованность в происходящем вокруг. Но не более. И это было, пожалуй, все, чем он мог бы выделиться, да и то в толпе бомжей. В остальном же – мужчина как мужчина – не высок, не широк, в меру вальяжный, слегка под хмельком. Он стоял рядом со среднего возраста дамой, наверное, чуть моложе его, одетой в черное вечернее платье, и рассказывал ей что-то смешное. Дама то и дело закатывала глаза и заливалась заразительным смехом.

И все-таки, несмотря на всю показную «обыкновенность», по тому, как к нему обращались некоторые из гостей, в том числе почтенный господин, заправлявший на свадьбе, по его манере вести разговор со снисходительной ухмылкой, чувствовалось, что он тут – Главный гость. Виктор отметил про себя, что если бы детально не изучил несколько фотографий этого человека, сделанных в разных местах и в разное время, то ни за что сейчас не узнал бы его. «Ну, и что дальше? – подумал он. – У него с собой – ни чемодана, ни портфеля. Здесь же полно народу. Подашь сигнал – мужики ворвутся и таких, пожалуй, дров наломают... А без улик, какой смысл задерживать?»

А если уйдет? Исчезнет так же внезапно и незаметно, как появился?

– Вы меня совсем не слушаете, – донесся до него недовольный голос Ксении. – Правильно говорят, что первое впечатление всегда обманчивое.

– Извините, задумался, – Виктор не сразу отвлекся от своих забот. – Не хотите присоединиться к нам? – Он ожидал, что Ксения жеманно улыбнется и возьмет его под руку, чтобы следовать к их столику. Но вместо этого она посмотрела на него с необъяснимой яростью и сквозь зубы зло произнесла:

– Это же я вас приглашаю в нашу компанию. Вы что, глухой? Идемте сейчас же.

Такого оборота он никак не ожидал. В жизни ему не приходилось иметь дело с женщиной подобного темперамента, обладающей таким напором и категоричностью, которые не предполагали ни малейшего возражения. Зачем он ей все-таки понадобился?

Если бы он хотя бы приблизительно догадывался об этом, ни секунды не задумываясь, нажал бы кнопку, и в кармане командира группы захвата раздался тихий зуммер. И пропади оно все пропадом. Черт с ним, с чемоданом, или с портфелем, или что там у него. В любом случае они успели бы убраться куда подальше задолго до приезда местной милиции. Постовой, который должен был обеспечивать порядок на территории, прилегающей к ресторану, давно уже отдыхал далеко отсюда, должно быть недоумеая, зачем его похитили, если ничего от него не требуют. Даже табельный пистолет оставили, правда, предварительно вынув из него обойму.

А телефонную линию они давно перерезали.

Ксения чуть ли не насильно усадила Виктора рядом с собою и выжидательно уставилась на него, глядя прямо в глаза. Надо было что-то говорить, но в голову лезла одна чепуха.

– Вы здесь одна? – выдавил, наконец, из себя Виктор.

– Нет, я с подругой. Мы немного опоздали. А вы, я вижу, с самого начала. Вы с чьей стороны?

Виктор пожал плечами, не поняв смысла вопроса.

– Ну, я имею в виду, со стороны жениха или со стороны невесты?

– А-а-а... Да я тут случайно оказался. Нас с приятелем пригласил отец невесты. Я даже не знаю, как его зовут.

– А зачем вам знать? – Ксения говорила с едва заметным, похожим на грузинский, акцентом. Она лукаво подмигнула, и взглянув на противоположный край стола, продолжила:

– Его вообще мало кто знает. Я слышала, он очень богатый человек.

– Был бы богатый, не устраивал бы свадьбу дочери в загородном ресторанчике. Арендвал бы какой-нибудь дворец.

– А может он не только богатый, но и еще и умный. Может такое быть?

– Все бывает, – вздохнул Виктор. – Только умные чаще всего бедные.

– А вы бедный? – спросила Ксения.

– Да, как вам сказать? Большим умником себя не считаю.

– Ну и правильно. А то некоторые Бог знает, что из себя строят, а узнаешь человека поближе, оказывается пустобрех. – Она отвернулась от Виктора и принялась расковыривать остывшую котлету, будто искала что-то спрятанное в ней.

Он вновь подивился тому, какой разноликой была эта женщина. То принимала вид светской дамы, на которых насмотрелась в мексиканских сериалах, то оказывалась нахрапистой и требовательной базарной теткой, то вдруг превращалась в невоспитанную хамоватую девчонку. Не розыгрыш ли это? С какой стати она его окучивает? Не в самом же деле он ее заинтересовал?

Видя, что Ксения увлечена своей котлетой и не настаивает на продолжении разговора, он извинился и пошел на свое место, к Леониду, который, не зная, чем себя занять, одну за другой опорожнял рюмки. Виктор решил составить ему компанию, налил себе немного, но тут же поставил свою рюмку на стол и откинулся в кресле.

... Сейчас он, наконец, вспомнил. Отчетливо, будто со стороны вдруг увидел, как вчера все произошло. Да, именно так все и было. Вернувшись за свой столик, он явственно почувствовал, что очередного приступа не избежать, и уже тогда пожалел, что взял с собой писто-

лет. Даже мелькнула мысль пока не поздно отдать его Леониду. А может просто попросить отвезти его домой? Да, именно тогда и появилась мысль поскорее сбежать. И опять ему, как вчера в ресторане, стало стыдно от промелькнувшего соблазна забраться в свою раковину и наблюдать оттуда, из безопасного места, как рассыпается на куски все, чем он дорожил, как некогда святые понятия превращаются в труху. И он остался, хотя и осознавал, что смысла в этом нет никакого, что с каждой минутой только возрастает риск сорвать так тщательно подготовленную операцию.

Накатило. Стены сдвинулись со своих мест и принялись раскачиваться во все стороны в такт грохотающей музыки. Зал накренился. Некстати вспомнились знакомые с детства строки: «Потолок пошел на них снижаться вороном...» Он попытался овладеть ситуацией. Встал, обогнул столик. Леонид с удивлением посмотрел на него.

– Ты чего, – спросил он, – ноги затекли? Пойди потанцуй. Вон, как она на тебя смотрит.

Только плясок с бубном ему сейчас и не хватало! Он представил себе, как через несколько минут будет лежать на полу и корчиться в судорогах, и никто в зале не догадается, что с ним происходит. В лучшем случае с понимающими ухмылками выволокут на улицу и пристроят где-нибудь неподалеку от входа, по собственному опыту зная, что свежий воздух – самое подходящее лекарство от алкогольного отравления. В прошлый раз именно так и произошло. Его прихватило в автобусе, по дороге домой. Еще накануне вечером он подумал, что приступов давно не было, а значит, беда может случиться в любой момент. Поэтому счел за благо оставить машину в гараже. Предусмотрительность оказалась нелишней. В двух остановках от дома его скрючило так быстро, что он не успел объяснить окружающим, что не пьян, а болен. Да если бы и успел? Кто бы поверил, что молодой и, по всему, крепкий мужчина, будучи в трезвом состоянии, может ни с того, ни с сего кулем свалиться в проход, прямо под ноги пассажирам и замычать что-то невразумительное? Ясное дело, пьяный. Двое мужиков, которым он мешал пройти к выходу, оттащили его в угол и оставили там, чтобы проспался – мужик мужика всегда поймет. Очнулся он только в медицинском вытрезвителе, куда его привезли с конечной остановки автобуса в санитарной машине, погрузив, как мешок с мукой на «раз-два-три». Только тамошний фельдшер, хотя и молодой, но успевший всякого навидаться на своем нескудном рабочем месте, на ходу сообразил, что это – не его случай, и, если клиент очочурится, ему придется нести ответственность. Он не стал ломать себе голову над диагнозом, а побыстрей вызвал «скорую».

Две недели Виктор провел на больничной койке. Хорошо еще, что догадался оставить служебное удостоверение в сейфе, положив вместо него в карман паспорт. Если бы об этом случае стало известно в служебной поликлинике, не миновать бы ему комиссии. А там быстро все раскрылось бы, и его в два счета уволили бы.

Комиссовать его должны были еще шесть лет назад, когда он только вернулся. Уже тогда стало понятно, что контузия не прошла даром для его здоровья. Но, как всегда, выручила крепкая мужская дружба. Вместо Виктора обследование проходил второй сапог из пары неразлучников – Валерка Рогов. Тогда и медкомиссии было не до тонкостей. Всех врачей он прошел в два дня, где с цветами, где с конфетами в красочной коробке, а где и просто внаглую, безо всякой кондитерской коррупции. Рогов эту комбинацию и придумал. Конечно, не просто так. Он чувствовал, себя в определенной степени виноватым в том, что произошло с Виктором на войне. В самом начале они оба просились в Чечню. Зная их настырный характер, мудрый начальник Ким Климович Логвинов принял Соломоново решение: определяйтесь сами, кто поедет, двоих отпустить не могу. У Виктора было неоспоримое преимущество: оказалось, холостая воля – злая доля.

После окончания служебного расследования, которое было назначено сразу же после расстрела автомобиля, его одного из них шестерых оставили на службе. Даже в следственном изоляторе он провел всего четверо суток. Все остальные в один голос показали, что он не мог быть

виновником происшествия, поскольку в тот момент, когда все это случилось, находился далеко от блокпоста, выполняя приказ командира. Он пропустил все – и перестрелку, и взрыв. Вернулся на блокпост на попутке вместе с представителями армейского командования. Он видел только развороченную «Ниву» и обгоревшие трупы. Это обстоятельство, видимо, оказалось решающим.

Он отбыл в Чечне вместе со своим отрядом положенные три месяца, в конце срока попал под обстрел и, только вернувшись домой, узнал, что остальных пятерых ребят, что были с ним на блокпост, по-тихому уволили из милиции. Вернее, предложили добровольно подать рапорта, чтобы не поднимать шума и не предавать происшествие широкой огласке. А следователь военной прокуратуры, который вел дело, написал в заключении, что машина с похищенным иностранцем подорвалась на mine, заложенной боевиками.

Это был первый подобный случай, и о нем написали многие газеты. Только правды никто, кроме узкого круга военных не узнал. Даже в ОМОНе считали, что ребят уволили несправедливо: не могли же они предупредить минирования дороги. Слава Богу, что сами остались невредимы. А Виктору и остальным следователь прокуратуры «предложил» помалкивать.

... Приступ неумолимо приближался. Виктора уже не волновало, что по его вине операция провалена. В конце концов, никто и не рассчитывал, что так быстро удастся выйти на след, что долгожданный гость объявится так быстро. Сейчас он подаст сигнал, а там уж, как получится: на нет и суда нет.

Неожиданно за окном раздались выстрелы. Виктор приподнялся со стула и тут заметил, что Ксения с недоумением и страхом смотревшая все это время в его сторону, на его все более и более искажающееся лицо, теперь уставилась куда-то мимо. Он оглянулся и увидел, как зал заполняется парнями с пистолетами в руках. Они разбегались в разные стороны, перекрывая окна и проход на кухню, занимая позиции по всему помещению. В первый момент Виктор решил, что, не дождавшись сигнала, группа захвата вломила в ресторан по собственной инициативе. Но тут же сообразил, что, судя по экипировке, это посторонние люди. Они были похожи скорее на бандитов, чем на оперативных работников.

– Всем – лицом к стене! – гаркнул мощного сложения мужчина, вошедший в зал последним. – Здесь милиция. Отдел по наркотикам. Кто двинется с места, стреляем без предупреждения! Оружие, наркотики – на стол!

Музыка смолкла. Все находившиеся в зале замерли. Кто от страха, парализовавшего конечности, кто от неожиданности. Лишь один человек из присутствующих, казалось, не проявлял признаков беспокойства. Главный гость, спокойно обведя взглядом зал, начал очень медленно и плавно, едва заметно перемещаться вдоль стены. Виктору казалось, что он даже не переступал ногами, а, не прилагая никаких видимых усилий, просто плыл по воздуху, слегка подгоняемый легким сквозняком из разбитого окна. Вот только направление его движения было строго определенным: он перемещался к двери, едва отличимой от панелей, которыми были обшиты стены. Обнаружить ее смог только тот, кто знал, где искать.

Бежать за ним было не только бессмысленно, но и просто опасно. Разгоряченные только что произошедшей на улице схваткой, а Виктор не сомневался, что, прежде чем оказаться внутри ресторана, им пришлось иметь дело с обеспечивавшей его безопасность группой захвата и еще не известно, чем это кончилось, они действительно могут открыть стрельбу на поражение. Это, скорее всего, и в самом деле милиция, хотя ведут они себя не лучше бандитов. «Насмотрелись идиотских боевиков, теперь строят из себя «крутых» – устраивают «маскишоу», врываются в зал с оружием, когда здесь столько людей, – мысленно сокрушался Виктор, наблюдая за действиями милиционеров, одетых в балахонистые куртки. На головы были натянуты вязаные шапочки с прорезями для глаз. – Чего орать, ставить людей к стенке? Где гарантия, что кого-нибудь «кондратий» не хватит? Уже то, как они бесцеремонно обращаются

с людьми, что иначе, как хамством, возведенным в принцип, не назовешь, само по себе преступление.

Главный гость уже был у заветной двери за спинами полутора десятка человек и, наверное, пытался ее приоткрыть. Виктор не мог этого видеть, но догадывался о его действиях и понимал, что дальше медлить уже нельзя. Даже если Главному гостю и не удастся незаметно скрыться за дверью, он все равно опередит тех, кто бросится за ним в погоню. Если дверь с обратной стороны имеет крепкие запоры, и он ими воспользуется, то тем более достать его будет трудно, а если нет, он может погибнуть от дурной пули: эти ребята церемониться не будут. У них, видимо, достаточно самоуверенности, чтобы действовать вне пределов здравого смысла.

Все происходило в считанные секунды. Пока Виктор мучался сомнениями, события в зале разворачивались своим чередом. Гости начали приходить в себя, слышались возмущенные возгласы.

– Молчать! – гаркнул во все горло здоровяк, который был здесь за старшего. – Всех непричастных сейчас отпустим. Кому надо, – он самодовольно ухмыльнулся, – извинимся. Наркоту – на стол, я сказал. Лучше добровольно. – Он явно не знал, кому из присутствующих следует уделить особое внимание, и где искать эту самую «наркоту».

– Да как вы смеете!?! – воскликнула вдруг Ксения, выходя на середину зала. Высокомерно задрав голову, она направилась напрямик к оравшему крепышу. – Ну, давай, обыскивай! – визгливо крикнула она явно в расчете на общее внимание и подняла оголенные руки, словно приглашая пройти руками по ее телу. Тонкая стройная фигура Ксении, плотно обтянутая, словно змеиной кожей легким, переливающимся в свете разноцветных лампочек платьем, не предполагала наличия под ним не только каких-либо посторонних предметов, но даже нижнего белья.

Все невольно повернулись в ее сторону и замерли в ожидании. В этот момент Виктор боковым зрением заметил, как дверь, около которой стоял Главный гость, легко приоткрылась, и он легко проскользнул в образовавшуюся щель.

Так вот оно что! Несмотря на усиливающуюся головную боль и все более немеющие конечности, Виктор все еще держал ситуацию под контролем. Они вместе, и этот спектакль Ксения затеяла, чтобы дать возможность партнеру незаметно скрыться. Выходит, и к нему со своими разговорами она прилипла, чтобы отвлечь внимание на себя. И это ей почти удалось. Не ввалились эти охламоны, она, кто знает, сумела бы заговорить его. Да, не проста Ксюша ...

Выбора не оставалось. Пока все ошалело глазели, как, стоя посреди зала перед здоровяком, Ксения опускает одну бретельку платья и возится с брошкой на второй, Виктор бросился вслед за Главным гостем и уже не слышал раздавшихся за спиной возгласов и прогремевшего вдогонку выстрела. Оказавшись в холле, он заметил за стеклами входных дверей еще одну фигуру в куртке и надвинутой на глаза шапочке. Значит, не туда. Куда? Другого выхода из холла не было. Только в зал, а больше некуда – здесь ни дверей, ни укромных уголков, где можно было бы спрятаться. Прямо перед ним висел огромный ковер, на который он обратил внимание, входя в ресторан. Нижняя часть ковра слегка колыхалась. Уже плохо соображая, он плашмя бросился на ковер, будто пытаясь прорвать его. Под тяжестью его тела ковер неожиданно легко сорвался с державших его гвоздей, вбитых где-то под потолком, и рухнул за спиной Виктора, успевшего в последний момент отскочить в сторону. В стене оказался проем. Виктор увидел перед собою уходящую вверх лестницу из толстых, нарочито грубо обработанных деревянных плах. Одним махом преодолев два пролета, он оказался в большом полутемном зале с уставленными вдоль стен строительными лесами и наваленными кучей мешками. Откуда-то сбоку грянул выстрел. Он протянул руку к кобуре и ...

Что было дальше, Виктор так и не смог вспомнить. Как он оказался дома, в своей квартире? Кто привез его, раздел и уложил в постель? Кто стрелял из его пистолета? Сам? Или в этот момент рядом был кто-то?

Он сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Где-то неподалеку замычала корова. Он поднял глаза. Перед ним расстился залитый солнцем луг с купой берез неподалеку. Стадо паслось рядом, животные не обращали на него ни малейшего внимания. Они давно уже привыкли к своему доброму пастуху и нисколько его не боялись.

4

Эта встреча, не которую Виктора пригласили не без споров между остальными, планировалась давно. Но осуществить ее удалось только сейчас.

Леонид позвонил ему через несколько дней после происшествия в ресторане и, поинтересовавшись здоровьем, как ни в чем не бывало предложил приехать к Остапчуку.

– У него нет номера твоей «трубы». Просил меня с тобой связаться.

– Не барин, сам бы позвонил. Ты же номер знаешь.

– Ты будешь? – спросил Портнов, пропустив вопрос мимо ушей.

– Конечно, буду. Только не знаю, где его хоромы.

– Там же, где «Дубрава». Километров восемь вправо от перекрестка.

– В твоём районе?

– Я ему этот дом и сосватал по старой дружбе. Мимо не проскочишь. На горе. Как кладбище проедешь, сразу бери налево. Там, правда, проселок, но сухо и без колдобин. Никуда не сворачивай, так в ворота и упруешься. Только, знаешь, договорились, без баб.

– Неужто свою Дюймовочку не возьмешь?

– Да пошел ты. Я же тебя про Ксению не спрашиваю. Ладно, пока, до пятницы.

– Постой, постой! – крикнул в трубку Виктор, боясь, что Леонид отключится. – А кто будет-то?

– Все будут.

... Когда-то это было большое село, насчитывавшее более двухсот дворов. В те времена стоявшая неподалеку на холме церковь создавала атмосферу благочестия и возвышенной радости. Особенно в престольные праздники. В ясный день в лучах восходящего солнца над куполом вспыхивал большой позолоченный крест и дали оглашались перезвоном колоколов, собиравших прихожан к заутрене. Со временем от церкви не осталось даже фундамента, который растащили предприимчивые мужики – кто на печку, кто для того, чтобы подложить под свои, уходящие в землю избы. Некоторые приспособили хорошо сохранившиеся кирпичи для цветников на кладбищенских могилах. Село опустело, превратившись в безымянный населенный пункт, где не было ни магазина, ни почты.

Самой большой достопримечательностью всей округи был чудом сохранившийся дом священника, который местные жители называли просто Красный. Он стоял рядом с церковью, и на своем долгом веку побывал и клубом, и школой, и даже сельсоветом. Кладбище располагалось неподалеку, на противоположном склоне холма. Здесь уже лет пятьдесят никого не хоронили, но из деревушки, раскинувшейся внизу вдоль реки у подножия холма, сюда время от времени наведывались старики, не забывавшие могилы своих предков.

Дорога и в самом деле оказалась вполне сносной. Сориентировавшись по кладбищу и обогнув холм, Виктор оказался перед воротами. Нажав на сигнал, не выходя из машины, он ожидал, что обрадованный приездом гостя хозяин собственноручно откроет их. Но они распахнулись, будто сами по себе: видимо, были оснащены дистанционным управлением.

Огороженный высоким дощатым забором без единой щелочки, дом представлял собою старинную барскую усадьбу в миниатюре. Двухэтажную кирпичную постройку с одноэтаж-

ными флигелями по бокам окружали подсобные помещения. По их внешнему виду нетрудно было догадаться, где когда-то был хлев для скотины, где хранилище для сена. К бане, возведенной сравнительно недавно и больше похожей на некий пряничный домик с расписными наличниками, украшенным витиеватой резьбой крыльцом и блестящим петухом–флюгером на коньке крыши, примыкало озерцо. Даже не озерцо, а скорее бассейн, стилизованный под естественный водоем с чистым, покрытым желтым песком дном.

Оказалось, Стрельников приехал вторым. На стоянке за воротами уже стоял знакомый старенький «Опель» Портнова. С высокого и просторного крыльца навстречу Виктору спускался какой-то мужичок в накинутах на плечи телогрейке и радостно улыбался во весь свой щербатый рот. «Вот уж и слуг себе Остапчук завел, – с неприязнью подумал Виктор. – Сейчас еще и челядь высыпет с песнями, бубнами и плясками». Но, присмотревшись внимательнее, он узнал в лысоватом прихрамывающем мужичке Вовку Погорелова. Это был уже не тот верткий и хваткий паренек, которого он знал когда-то. Водка превратила его в безобразного старика с ввалившимися щеками на сером, землистого цвета лице.

– Витя! Витенька! – радостно пропел старичок. – Сколько лет, сколько зим! Не чаял уж тебя увидеть. Молодцом, что приехал. А чего машина служебная? Своей нет, что ли? – И, не давая возможности ответить, горестно покачал головой. – У меня, вишь, тоже нет своей. Вот, спасибо, Игорек не оставляет своими заботами. Я у него тут обретаюсь по дому. А он меня поит – кормит. Вот только, это самое, не наливает. Да я и не в обиде. В завязке я. Второй уж годок. Да ты проходи, проходи. Ленчик уж тут. Они с Игорьком наверху. А я побегу. Дел много: банька, столик. То да се. А ты иди, иди, – и он мелким шашками посеменял к бане.

Честно говоря, Виктор не горел большим желанием встречаться со своими бывшими товарищами. Но подполковник Логвинов, которому он доложил о состоявшемся-таки приглашении, коротко заметил: «Поезжай. Просто так они тебя не позовут. Только на рожон не лезь. Сиди себе и слушай. Кто-то из них наверняка должен быть замешан. А может и имеет непосредственное отношение к делу. А главное – не пей».

Виктор не стал оправдываться, когда, вызвав через несколько дней после происшествия в ресторане, Ким Климыч, потрясая его рапортом, проводил с ним «воспитательную» беседу. Она длилась почти час, в течение которого капитан милиции Стрельников узнал много «много нового» о вреде пьянства, о том, как оно отрицательно сказывается на службе, и получил устное предупреждение о неполном служебном соответствии.

– Все! – сказал подполковник, заканчивая свою многословную речь. – Все, что было нужно, я тебе сказал. Теперь сам делай выводы. Иди.

Хотя Виктор и понимал, что по-другому начальник не мог поступить, все равно было обидно. Как ни крути, он, косвенно ли, напрямую ли, но был виновником того, что операция провалилась. С районным ОБНОМ, конечно, разберутся, но, кому от этого легче? Да и Главного гостя он, выходит, все-таки зацепил, когда стрелял ему вдогонку. По данным экспертизы попавшая в него пуля была выпущена из его, Стрельникова пистолета. Вот только, как он умудрился это сделать, Виктор не мог вспомнить. Может быть, действительно был пьяным? Или даже та малая доза коньяка, которую он принял, стала спусковым механизмом, сыгравшим злую шутку с его контуженной головой? Кругом подполковник прав: пить ему действительно нельзя ни капли. Но если бы начальник и в самом деле предполагал бы, что все произошло из-за пьянки, он уже неделю назад вручил бы ему обходной листок.

Хорошо ему говорить «не пей». Вон Погорелов сразу четыре бутылки потащил. Как откажешься?

– У вас, что, холодильника в доме нет? – спросил Виктор, когда тот проходил мимо.

Вован, как они называли его между собой, не ответил. Стоя на крыльце, он лишь улыбался, прижимая к себе бутылки с водкой, коньяком и какие-то пакеты. Так ничего и не сказав, он вошел в дом, оставив дверь полуоткрытой.

На первом этаже оказался просторный зал, из середины которого наверх вела широкая лестница. Через пять ступеней она раздваивалась на две лестницы поуже с перилами по обеим сторонам. Слева и справа было несколько дверей, ведущих в соседние помещения. За одной из них, судя по доносившимся оттуда запахам, находилась кухня.

– Ты чего застрял? – раздался откуда-то сверху раскатистый голос. – Давай, поднимайся. Внизу тебе не нальют.

Расположившиеся в шикарных креслах рядом с ярко пылавшим камином, Остапчук и Портнов, встретили его с бокастыми рюмками в руках. Третью Леонид протягивал Виктору.

– Вас, чертей, ждуть – с голоду подохнешь, – произнес он с досадой в голосе. – Давай за встречу.

Виктор взял рюмку, посмотрел сквозь янтарную жидкость на Игоря.

– Ну барин, ну, настоящий барин. Здорово, что ли? – он подошел к Остапчуку, пытаясь обнять. Но тот сам облапил его своей огромной ручищей.

– За боевое братство! – отпустив Виктора, торжественно произнес он и опрокинул в себя содержимое рюмки, даже не глотнув.

Виктор пригубил и поставил свою на низенький столик.

– Ты чего это мимо проносишь? – удивился Остапчук. – Прежде за тобой такого греха не водилось.

– Да плюнь ты на него, – развалившись в кресле и нанизывая на вилку маслины отозвался Портнов. – У него привычка такая: как нажрется, так стрелять начинает. Уж я-то знаю. – Он многозначительно посмотрел на Виктора, который искал глазами, куда бы присесть. Сбоку от камина стоял просторный диван. Не обращая внимания на поддевку Портнова, он перешагнул через его вытянутые ноги и устроился в ближнем углу.

– Как стрелять? – удивился Игорь.

– А так. Хватается за пистолет и – ну палить.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи.

– Пусть он сам тебе рассказывает, что его вдруг в ресторане разобрало. Я сначала решил, что он сам себя прикончил: лежит не шевелится ... Ты в кого стрелял тогда?

Виктор собирался ответить, что по пьянке уже и не помнит, как было дело, но тут на лестнице послышались тяжелые шаги и в комнату, прижавшись друг к другу плечами, одновременно протиснулись Востриков с Селезевым.

– Глянь-ка, Ванька, блин какой! – загоготал Геннадий, подходя к Остапчуку. – Вот так харя! А пузо-то, пузо. Сразу видать, хозяин. – Он бесцеремонно хлопнул Игоря по заметно выдававшемуся животу. В глазах Остапчука, отвыкшего от такого фамильярного обращения, вспыхнул и тут же погас злой всполох. Чуть приподнявшись, он обхватил Селезнева локтевым сгибом за шею и слегка надавил. Глаза Геннадия стали вылезать из орбит. Другой рукой Игорь подхватил его ослабевшее тело и аккуратно положил на диван.

– Извини, – склонился он над ним. – Случайно вышло.

Тот ничего не ответил. Немного придя в себя, Селезнев глубоко вздохнул и покрутил головой.

– Тебе бы, дураку, в боях без правил участвовать. Шуток не понимаешь. – Геннадий досадовал на себя за то, что так нелепо попался на прием. Начальнику службы безопасности это было не к лицу. – Твое счастье, что врасплох меня застал, а то бы ...

– А кто же тебя предупреждать будет, когда на твой банк нападут? – спросил Востриков с усмешкой. – Думаешь, заранее факс пришлют: так, мол, и так, идем с вас деньгу выколачивать.

Показав, кто здесь хозяин, Остапчук молча уселся на свое место. Разговор не клеился. Вновь прибывшие, приняв по сто граммов и с аппетитом закусив фруктами, осматривались. Остапчук наблюдал за ними, переводя взгляд с одного на другого. Обстановку неожиданно разрядил как-то боком вбежавший в комнату Погорелов:

– Игорь Иванович, банька готова!

Это неожиданное обращение по имени и отчеству вызвало приступ общего смеха. Первым расхохотался сам Остапчук, за ним и все остальные.

– А чего я такого сказал? – не понял причины общего веселья Погорелов.

– Да что вы, Владимир Сергеевич! Ничего такого вы не сказали, – ответил Востриков, и комната огласилась новым взрывом хохота.

Баню решили перенести на вечер. Подвинув диван, все устроились перед камином, игравшим в этот, достаточно теплый день, сугубо декоративную роль. Крупные осиновые поленья пылали ровно, без искр и треска. За те шесть лет, что Виктор не видел приятелей, все сильно изменились. Высокий широкоплечий Игорь Остапчук еще больше раздобрел. И прежде не отличавшийся особой прытью, теперь он передвигался еще медленнее, будто заранее рассчитывал каждое движение. Растекшись в своем, отдельно стоявшем кресле, он снисходительно улыбался шуткам приятелей, иногда сам вставлял пару слов. Прибавилось солидности и у Генки Селезнева. Он уже не болтал без умолку, кивая невпопад, как прежде. Сейчас он гордо и независимо держал свою, заметно посеребрённую сединой голову с видом умудрённого жизненным опытом старца. Если и открывал рот, то только, чтобы категорично произнести что-нибудь высокопарное, нисколько не сомневаясь в точности формулировок и в своей правоте. Даже взгляд его стал как будто осмысленнее от осознания собственной значимости. Востриков заметно состарился. Так, казалось, не столько из-за морщин, покрывших его лицо тонкой паутиной, сколько из-за того, что он будто усох, еще больше поседел и старался казаться как можно менее заметным. Погорелов, такой же щупленький, невольно тянулся к нему. Он сидел на стуле ближе к Вострикову и немного дальше от камина, чем другие.

По телевизору, который стоял в углу и оказался вне поля зрения, передавали новости.

– Тише, тише, – крикнул Леонид, перекрывая гомон, уже возникший среди уже заметно расслабившихся от выпитого приятелей.

На экране шла видеозапись, сделанная когда-то в лагере боевиков. Бородатый, обвешанный оружием человек неопределенного возраста красовался перед камерой, держа в одной руке чью-то отсеченную голову, а другой выковыривал из нее ножом глаза.

– У, твари поганые! И чего с ними цацкались? – прошипел сквозь зубы Портнов. – «Операция по захвату...» – передразнил он диктора. Чего их задерживать? Стрелять на месте и все дела. Все равно больше пожизненного не получают.

– Валюта, – отозвался Остапчук.

– Что, валюта? – спросил Виктор.

– Они, говорю, разменная валюта, – пояснил Игорь. – За них вызволяли из плена нужных людей. А можно просто продать. Не живого, так мертвого. Помнишь «Тракториста» поймали, а до него Радуева? Еще как пригодятся.

Первое время Виктор надеялся, что ему удастся избавиться от воспоминаний о войне. Но когда началась вторая война, он понял, что все, связанное с Чечней, никогда не уйдет из его жизни. Помимо своего желания он не только обращал внимание на все, там происходящее, но и невольно фиксировал услышанное, словно нанизывал события на какую-то логическую нить. Захват Радуева в свое время произвел на него сильное впечатление. Еще задолго до ареста это имя было у всех на слуху. Как его только ни называли?! «Самый кровавый» и «неуловимый», террорист и бандит, убийца и кровопивец. Ему это льстило. Он упивался властью над беззащитными и слабыми. Приближенные из кожи вон лезли, поддерживая имидж изувера, утверждая его авторитет среди ему подобных. Перед видеокамерами насиловали детей, устраивали взрывы, отстреливали пальцы российским солдатам, разрывали на части пленных и отрубали головы заложникам. Сотни невинно замученных, море крови... Аслан Масхадов со своим призывом: «Убивайте и уничтожайте всех русских и получайте удовольствие» – агнец божий по сравнению с Радуевым, который сделал это «удовольствие» смыслом своей жизни.

Первое время после того, как его взяли, он был в шоке и вряд ли быстро из него вышел. Это уже был не тот Радуев, наглый и самовлюбленный властитель душ и тел, который перед телекамерами вещал на весь мир о своей исключительности, грозил поставить на колени всю Россию, приписывал себе все изуверства и беззакония, творившиеся на территории государства. Оказывается, и нелюдям ведом страх. Вряд ли человеческий. Это скорее звериный инстинктивный страх за свою бесценную жизнь. Он не думал о возмездии, пока кара была где-то далеко за горами. Был уверен в своей недосыгаемости. В тюремной камере «великий воин Аллаха», для которого убийство неверного равнозначно подвигу и пропуску в светлую загробную жизнь, был жалок и омерзителен.

– Когда-нибудь может быть узнаем подробности о том, как удалось выманить и этого зверя из его логова, – со вздохом произнес Виктор. Когда телевизионный сюжет подошел к концу. – А, главное, зачем? Вряд ли для того, чтобы опять, как было с Радуевым, только продемонстрировать всему миру профессиональное искусство ребят из спецподразделений.

– Скорее всего, цель была другая: развалить отряд, заставить бандюков сложить оружие и тем самым уменьшить потери в боестолкновениях. А теперь придется ломать голову, что с ним делать? Казнить нельзя помиловать... От того, где будет поставлена запятая, напрямую зависит, превратится ли она в пулю или останется лишь знаком препинания, – глубокомысленно, на одном дыхании неожиданно, похоже даже для самого себя, изрек Геннадий Селезнев. – Помните, как Радуев просил следователя, ведущего допросы, никого не сажать к нему в трехместную камеру, в которой содержался. Прекрасно понимал, что даже уголовные авторитеты не потерпят его существования. Его не только «опустят», что для него хуже смерти. Об этом тут же станет известно и в Чечне, и за ее пределами, в первую очередь в мусульманских странах, и он перестанет существовать не только как лидер, как мужчина, но и просто как личность.

– Не расстреливать же его. «На смертную казнь у нас мораторий», — со знанием дела заметил Портнов.

– Растерзать! – неожиданно подал голос Погорелов.

– Что значит «растерзать?» – попросил уточнить Геннадий, сооротив глубокомысленную мину.

– Это значит убивать медленно. И не один раз, а столько, сколько убитых на его совести.

– Кровь за кровь, значит? – ухмыльнувшись, спросил Виктор. – Как же легко мы готовы умерщвлять других! Какими бы отморозками ни были эти подонки, как биологический вид, они какие никакие, а все-таки люди. Уж очень это похоже на кровную месть. Не по-христиански это, не по-людски.

– Да не о том речь, – вскочил с места Леонид, задетый словами приятеля. – Вован о чем толкует? Что же, пусть свободно жгут, грабят, убивают? Никому, находящемуся в здравом уме, не придет в голову голосовать за предоставление им такой свободы.

– Но не убивать же без суда и следствия, если закон с чьей-то точки зрения несправедлив, – возразил Стрельников.

– А хотя бы и так.

– Сядь, Лентя, не егози, – тихо, но так, что все замолчали, сказал Остапчук. – Во все времена во всех странах лютая кровожадность каралась смертью. Вон, американцы. До сих пор «поджаривают» своих отморозков на электрическом стуле и при этом не перестают твердить о правах человека. Особенно, когда это касается других государств. Только почему-то ни у них, ни у нас злодеи не переводятся, хотя, казалось бы, век от века их должно становиться все меньше и меньше. Казнить и только живыми, – Остапчук с трудом поднялся из своего кресла, не выпуская из рук рюмки с коньяком. – Мораторий, говоришь? – повернулся он к Геннадию. – А кто его придумал, этот мораторий, ты не задумывался? И зачем? А затем, чтобы

свою задницу прикрыть. Не известно еще, как дело обернется и кого, в конце концов, назовут большим зверьем. Всех казнить!

Остапчук возвышался над сидящими приятелями, глаза его горели, в уголках рта выступила пена. Он машинально смахивал ее время от времени и продолжал:

– Вы что же думаете, жизнь чего-нибудь стоит? Хрен вам! Жизнь это – миг, суета. И неважно, молодой ты или старый. Пуле, если хочешь знать, возраст не помеха. Мы сами делаем свою жизнь? Ха! Это она нас делает. Мораторий! У нас в районе была прокурорша. К ней приходят за санкцией на арест. Вот заявление изнасилованной, вот заключения медэкспертизы, вот подозреваемый, вот улики. Дайте санкцию. А она: «А где свидетели? Как можно? Он еще такой молодой, вся жизнь впереди! Да и оснований никаких, все – ваши домыслы». А когда ее дочь пятеро хором изнасиловали, как миленькая стала подписывать. Гнилье человеческое ... Казнить, только казнить! Всех, и обязательно живыми! – Игорь плюхнулся в кресло и закрыл глаза.

Приятеля смотрели на него, кто с удивлением, кто-то с сожалением. Стрельников уловил в глазах Игоря что-то похожее на свое собственное состояние в преддверии приступа.

Постепенно побледневшие щеки Остапчука порозовели, и он будто очнулся.

– Ну, что? Еще по одной? – спросил Игорь уже совершенно другим тоном, словно в его тело вернулся прежний добродушный и умиротворенный хозяин. – Если бы от нас чего зависело. До Бога высоко, до царя далеко, а до плахи ... Вот она, рукой подать. Убивай, не убивай, новые народятся.

– А чему тут удивляться? – спросил Востриков, который давно уже пытался вставить свое слово, но до сих пор у него это не получалось. – Казни, в том числе и прилюдные, маньяков никогда не останавливали. Скорее наоборот, делали их своеобразными «героями» своего времени. Я недавно читал, что многие тяжелейшие злодеяния вошли в историю. Некоторые – в книгу рекордов Гиннеса.

– Мы тоже недалеко отстали от остального «цивилизованного» мира, – добавил Виктор. Он с нескрываемым удивлением смотрел на своих приятелей, заговоривших нормальным языком после непрерывного зубоскальства, сопровождавшего всю их встречу до этого разговора. – Да взять того же Чикатило. За двенадцать лет полсотни умышленных убийства детей и женщин.

– Расстреляли? – поинтересовался Погорелов.

– Да, еще до моратория, в девяносто четвертом.

На приятелей его слова особого впечатления не произвели. То ли потому, что в них не было ничего нового, то ли каждый остался при своем мнении.

Потом опять вспоминали Чечню, первую войну, которая их и объединила. Но никто не решался первым заговорить о главном, о том, что стало поворотным моментом в их судьбах – о том, кто расстрелял «Ниву».

5

Отряд формировали в спешке, людей собирали из разных подразделений, – с миру по нитке. По приказу в ОМОН должны были зачислять самых крепких, надежных и опытных, кто хотя бы два – три года прослужил в милиции и понимал, что к чему. Но приказы они на то и приказы, чтобы их обходить. Если бы все распоряжения и указания выполнялись, как предписывалось, везде давно бы был порядок. В отряд зачисляли любого, кто подавал рапорт. Но добровольцев, соблазненных повышенным окладом в престижной службе, оказалось мало. Некоторых откомандировали в новое подразделение, не спрашивая согласия: освобождались от бездельников и проштрафившихся, как от балласта.

Уже тогда было очевидно, что большую часть отряда пошлют в «горячую точку». Так и случилось. Без специальной подготовки, без тренировок, кое-как обмундированные и экипи-

рованные, тридцать шесть человек через две недели уже был в Моздоке. Тогда многим, следившим за фронтовыми событиями по телевизору, казалось, что здесь-то уж должен быть образцовый порядок. Государство, мобилизовав все силы, устанавливало на мятежной, никогда не отличавшейся законопослушанием территории торжество Конституции. Но все, кто прибывал на новое место службы, в первую очередь поражались царившей здесь неразберихе и откровенному идиотизму. Только в фильмах о войне, посвященных событиям сорок первого, было что-то подобное. Колонны грузовиков, танки, БТРы перемещались в хаотичном беспорядке. Командиры драли глотки у раций, пытаясь добиться от командования конкретных приказов, в толпе одинаково одетых в камуфляж или бушлаты военнослужащих нельзя было отличить офицеров от рядовых. Расширяясь и ускоряясь, эта круговерть каким-то образом выплескивалась в район боевых действий. Никто толком не знал, кому куда выдвигаться и что делать, и не было ничего удивительного в том, что раненые и покалеченные возвращались оттуда с опустошенными глазами и душами, не рассчитывая ни на заботу государства, ни на медицинскую помощь. Выживали счастливчики, которые могли сами о себе позаботиться. Таких с каждым днем этой нелепой и бестолковой войны, которую первоначально планировалось завершить в считанные дни, становилось все меньше. Зато трупы отправляли отсюда бесперебойно. Потому и назывались они просто грузом: груз он и есть груз, не люди же – трупы.

На следующий день после прибытия они оказались под Аргуном. Дома кадровик говорил, что предстоит выполнять специальные операции, контролировать соблюдение паспортного режима, обезвреживать уголовных преступников. Эти выдумкам могли поверить только те, кто не побывал на войне. Здесь не было преступников в обычном для всех понимании. Государству себя противопоставила не отдельная категория граждан, объединившаяся под ваххабитским лозунгами, а чуть ли не вся нация, доведенная до такого состояния всей предшествующей социальной политикой, которая не учитывала ни местных особенностей, ни вьевшегося в плоть и кровь религиозного фанатизма. И, прежде всего, особого воспитания, возводящего для большинства совершенно абстрактное понятие ничем и никем не ограниченной свободы в культ. Не привыкшее к организованной деятельности, большинство населения вело тот образ жизни, который казался ему наиболее правильным: каждый за себя, один Аллах за всех. Грабить собственное государство, которое было воплощением насилия и унижения еще со времен депортации практически всего населения, здесь считалось доблестью, так же, как и противостоять любым попыткам навести какой-либо порядок, неважно, конституционный или, хотя бы, разумный. Вместе с суверенитетом молодежь, легко управляемая и направляемая твердой рукой тех, кто всеми правдами и неправдами рвался к власти, получила горы оружия, которым не замедлила воспользоваться. Огромные деньги, пропитанные запахом нефти, сделали свое дело: люди оказались заложниками природных богатств. Их оказалось нетрудно убедить в том, что Россия и каждый русский – тот самый враг, который покушается на национальное достоинство, религиозные убеждения чеченцев, и стремится во что бы то ни стало поработить гордую нацию. Здесь воевали все. Кто за деньги, и таких было большинство, кто – по принуждению, а кто и просто из солидарности и от безысходности: какая никакая, а все-таки работа.

Их, шестерых доставили на блокпост, только что оборудованный на дороге, ведущей в сторону Аргуна. Здесь не было ничего, кроме нагромождения бетонных глыб и кузова покореженного «Урала», в котором предстояло жить. Рядом поставили приданный БТР. За неделю до этого с него сняли все, кроме пулемета, и притащили на буксире. Выгрузив свое имущество, состоявшее из вещмешков с личными вещами, нескольких канистр с водой, оружия, продуктов питания и ящиков с боеприпасами и сигнальными ракетами, они остались одни посреди пустынной дороги – без техники, без связи. Если не считать допотопную рацию, которую Вовка Погорелов, которого еще дома все называли Вованом, стащил на каком-то складе.

Здесь предстояло провести три недели. Потом их должны были прикомандировать к одному из райотделов. С одной стороны от дороги был пологий склон высокого холма, который

где-то дальше переходил в предгорье, с другой – заросли кустарника, спускавшиеся к небольшой речке, больше похожей в эту зимнюю пору на ручей. Вдалеке виднелся какой-то населенный пункт – то ли крохотная деревня, то ли хутор – давно обезлюдивший. Даже воя голодных бродячих собак не доносилось оттуда.

Только здесь, оставшись наедине с самими собою, в постоянном ожидании нападения боевиков, о хитрости и беспощадности которых их предупредили еще в Моздоке, они впервые познакомились по-настоящему. Самым старшим и по возрасту, и по званию оказался отставной армейский капитан Александр Востриков, зачисленный в ОМОН в самый канун отъезда и назначенный старшим команды. Только много позже, уже вернувшись домой, они, да и то не все, узнали, за что он был уволен из армии и почему решил продолжить службу в милиции, а не пошел на гражданку. А тогда он стал для них единственной надеждой на выживание. Никто кроме Вострикова понятия не имел, что такое круговая оборона, кому куда бежать и что делать в случае нападения на блокпост. Даже стрелять из гранатомета никто их толком не научил.

Обычно, оставив двоих на посту, остальные сидели в кузове, ставшего их домом грузовика, или вокруг костра, огороженного со всех сторон бетонными блоками. Время от времени Востриков устраивал учебные тревоги. По первости они стремглав бросались по своим, определенным командиром местам – занимали боевые позиции. Но со временем эти игры им надоели, и команда «К бою!» воспринималась как неуместная шутка. Пересмеиваясь и изображая при этом на лицах большую озабоченность, бойцы нехотя поднимались и брели к амбразурам, даже не снимая автоматы с предохранителей. Востриков злился, но ничего не мог поделать: спокойное размеренное существование само по себе провоцировало лень и беспечность.

Через некоторое время командир стал куда-то исчезать по вечерам. Возвращался он ближе к полуночи, принося с собой то пару бутылок водки, то коробку баночного пива. Никто у него не спрашивал, где он достает такое богатство. Чего спрашивать? Командир знает, что делает, тем более что не распивает принесенное в одиночку, а делит на всех поровну. Из-за мизерного количества спиртного, которого доставалось на каждого, пьянством это никто не считал, но очередного застолья ожидали с нетерпением.

Кашеварил обычно Генка Селезнев. Он совсем недавно, буквально за полгода до командировки, поступил на службу в милицию, разочаровавшись в предпринимательстве. Не сумев организовать свое фермерское хозяйство в деревне, на котором собирался разжиться, продавая молоко и кур, он подался в милицию. Селезнев где-то слышал, что в патрульно-постовой службе можно неплохо пожить, если установить «деловые отношения» с хозяевами продуктовых палаток. Но особенно разгуляться ему не дали. У немногочисленных предпринимателей уже были свои «крыши». Новоявленного постового, который повадился обходить продавцов, проверяя у них наличие разрешения на торговлю, соответствие товаров сертификатам и державшего при этом в руках расстегнутую объемистую сумку, вежливо, но жестко предупредили, что здесь ему ловить нечего. Если он хочет иметь свой кусок хлеба, пусть лучше гоняет мальчишек, повадившихся приторговывать анашой возле палаток. Поэтому Селезнев не очень огорчился, когда начальство настойчиво предложило ему подать рапорт о зачислении в ОМОН. Ростом и силой его Бог не обидел, а новое место службы сулило беспроегрешный вариант. Во всяком случае, как он рассчитал, тех денег, что он получит за службу в Чечне, ему должно было хватить на ближайшее время. А потом можно и в область перебраться. В деревне его ничто не удерживало. Так и не женившись к своим двадцати шести годам, он не оставил там ни кола, ни двора: все продал, чтобы расплатиться с долгами.

Несмотря на то, что он добровольно взял на себя не только приготовление пищи, но и все другие хозяйственные заботы, остальные омовцы его недолюбливали. Скорее всего, за неумную болтливость и претившую другим откровенность. Селезнев не скрывал своих намерений как можно быстрее сколотить хотя бы какое-то состояние и уйти из милиции, чтобы вновь попытаться начать свое собственное дело. Службу он люто ненавидел, считал тех, кто

пошел на нее по доброй воле, безмозглыми идиотами, презирал их и не скрывал этого. Хотя и остальные не считали милицейскую службу своим призванием, но не кичились пренебрежительным к ней отношением. Во всяком случае вслух об этом никто не распространялся.

Лишь Леонид Портнов относился к Селезеву немного лучше, чем другие, терпимее. Может быть у него были для этого какие-то свои личные причины, а может быть потому, что обладал большим, чем другие, жизненным опытом. Он вообще не был категоричен в своих суждениях. В отличие от сослуживцев Портнов считался ветераном в органах внутренних дел – работал в областном отделе исправительно-трудовых учреждений инспектором. Конечно, он мечтал о более высокой должности, но, как считал, ему не давали ходу, хотя он всеми силами стремился сделать карьеру. Не проходило совещания, на котором Леонид не критиковал бы направо и налево руководителей колоний, с пеной у рта не доказывал необходимость реорганизаций, а чаще слово в слово повторял выступавшего с докладом руководителя. Но как только дело доходило до практической работы, до участия в тех самых преобразованиях, которые он так настойчиво отстаивал, Леонид находил массу причин и отговорок, чтобы остаться в стороне. Кого-то ругали за промахи, кому-то объявляли взыскания, даже неполное служебное соответствие. Портнов же за три года не получил ни единого замечания, поскольку ничего не делал, а, значит, не совершал ошибок. И потому наказывать его было не за что.

Больше всего он любил ездить в командировки в колонии с проверками, где его по давно установившейся традиции принимали как дорогого гостя – хлебосольно и от души. Он благосклонно принимал угощение, не отказываясь и от скромных подарков, в виде солидного окорока свинины или нескольких кур из подсобного хозяйства. Мог взять и деньгами, особенно если обнаруживал в проверяемой колонии грубые нарушения режима содержания осужденных. В одну только колонию он не ездил, впрочем, туда его и не посылали – в колонию, начальником которой был его отец. Эта колония в областной системе исправительно – трудовых учреждений в свое время славилась тем, что в ней никогда не происходило ни бунтов, ни побегов, ни голодовок среди контингента. Может быть там и случались какие-нибудь происшествия, но об этом никто ничего не знал. Начальник умел не выносить сор из избы и дальше «колючки», ограждавшей зону, информация о действительном положении дел не распространялась.

Только благодаря авторитету Портнова – старшего, который давно бы мог по своим заслугам работать в областном аппарате, но всегда отказывался от подобных предложений, Леонид и держался на службе. Его терпели и не особенно притесняли. Когда же отца все-таки вытолкали на пенсию, Леонид был уверен, что ему удастся занять его место, и он до конца своих дней будет блаженствовать в тепле и уюте на правах князька. Но давние отцовские связи с прикормленными им вышестоящими руководителями не помогли. Их как-то в одночасье отправили вслед за отцом на «заслуженный отдых» и Леонид остался один на один перед выбором: или ехать на должность начальника отряда в отдаленную колонию, расположенную за триста с лишним километров от областного центра, или переходить на службу в милицию. Он выбрал, по его мнению, из двух зол меньшее – стал заместителем начальника паспортно-визовой службы. Не имея о ней ни малейшего понятия, Леонид надеялся обрасти солидными связями и стать значительной, а потому и дорогостоящей фигурой. Но и здесь он не удержался. Его быстро раскусили и предложили убираться подобру-поздорову. Он записался в ОМОН, чтобы поехать ненадолго в Чечню, как-нибудь там перекантоваться, а вернувшись в ореоле боевой славы, проложить себе путь вверх по служебной лестнице в качестве заслуженного офицера.

Оказавшись на земле, каждый день пребывания на которой мог оказаться последним, он понял, что о славе придется на время забыть, а сначала надо позаботиться о собственной безопасности. Как и все, кто оказался вместе с ним на этом блокпосту, Леонид старалсяшний раз не высовываться из-за укрытия, чтобы ненароком не подставить голову под пулю снайпера. Но проходили дни за днями, а никто, похоже, и не собирался на них нападать. По дороге изредка проезжали боевые машины, на которых сидели скукожившиеся от холода солдаты,

скрежеща гусеницами и грохоча черными дымными выхлопами проползали танки, направляясь туда, где разворачивались главные события. В обратную сторону никто не спешил. Казалось, в той мясорубке, куда как в бездонную пропасть проваливались люди и техника, ничего от них не оставалось. А про них, коротающих войну в тишине и спокойствии, все забыли – и свое начальство, и боевики, занятые где-то более важными делами. Не появившись однажды на дороге эта злосчастная «Нива», их в конце концов скорее всего сняли бы с этого никому не нужного поста и отправили бы вслед за теми, кто не возвращался. Но судьбе было угодно распорядиться по-своему. Пробыв в Чечне вместо трех положенных месяцев всего полтора, на блокпосту, с которого их должны были снять через считанные недели, все остались живы, не получили ни единой царапины. Они вернулись, чтобы оказаться в тюрьме, называемой следственным изолятором, в шести различных камерах. Выйдя через месяц на свободу, пятеро столкнулись с нелегким выбором: что делать дальше. Виктор вернулся на войну. . .

Он так никогда и не узнал, какой идиот распорядился выдвигаться на ночь глядя. На дороге колонна грузовиков, которую сопровождали два БТРа, нарвалась на засаду. По давно отработанной, оказавшейся в горных условиях идеальной схеме, боевики подбили головную и замыкающую машины, факелами запыхавшие в вечерних сумерках. Виктор оказался в головной. Взрывом его припечатало к броне. Но он не сразу потерял сознание, и какое-то время владел собой. Когда машина остановилась и раздалась команда «К бою!», он попытался выбраться наружу. Он уже высунул голову из люка, и в этот момент от второго прямого попадания машина вспыхнула. Впервые оказавшись в такой ситуации, оглушенный и перепуганный, он потерял ориентировку. Пули щелкали по броне, вгрызались в каменистую почву вокруг, но откуда стреляли Виктор не мог понять. Вывалился на землю, передернул затвор автомата и отключился.

Очнулся Виктор глубокой ночью, лежа лицом вверх, где сквозь низко нависшие облака изредка проглядывали немигающие звезды, и долго не мог сообразить, что с ним произошло. Кругом было тихо и как-то по-домашнему уютно. С обеих сторон его подпирало что-то твердое, сверху слегка придавливало. Лежать было удобно, но только очень холодно. Через несколько минут, окончательно придя в себя и оглядевшись, он с ужасом понял, что лежит среди трупов и вокруг нет ни одной живой души. Он заворочался, чтобы освободиться от неприятного соседства, но оказалось, что сделать это не так-то просто: тела уже окоченели и зажали его между собою, как тиски, не позволяя даже повернуться на бок. Ему пришлось приложить все оставшиеся силы, чтобы выползти из-под них. И только он почувствовал себя на свободе, в лицо ему ударил снап огня. Он отвернулся. Луч фонаря прошелся по всему его туловищу и вновь уперся в лицо. «Вот и все, – подумал Виктор, – сейчас раздастся выстрел». Он зажмурился с мыслью, что хорошо бы пуля угодила в голову, и сразу все кончилось. Но не услышал ни лязга затвора, ни треска выстрела только почувствовал, что кто-то подхватил его под руки и поволок. Его охватило полное безразличие, больше всего хотелось одного, чтобы все скорее кончилось и его оставили в покое, и неважно, живым или мертвым.

В темноте он не мог разглядеть лиц своих мучителей, тащивших его за ноги по кочкам, и ни слова от них не услышал, словно это были не люди, а машины, автоматически выполняющие заданную программу. В полной тишине они взгромоздили его на какую – то площадку и толкнули вперед. Виктор упал на что-то металлическое. Оглядевшись, он увидел сверху над собою перемигивающиеся лампочки датчиков и приборов, а среди них две до безобразия искаженные головы, склонившиеся над пультом. Тут он, наконец, догадался, где находится и что с ним происходит. Ну, конечно же, это инопланетяне, и он у них в летающей тарелке. Значит, не к боевикам попал. Это – похищение. Сейчас тарелка взлетит и через несколько мгновений он окажется на межпланетном корабле, где над ним будут проводить разные эксперименты, а потом выбросят где-нибудь за тридевять земель отсюда, предварительно вытравив всю память, и станет он бомжем без имени и без племени. Вот, почему так тихо вокруг: они находятся под защитой энергетического поля, отгораживающего их ото всей вселенной.

Действительно, не прошло и минуты, как в полной тишине тарелка мелко завибрировала и плавно оторвалась от земли. Потом слегка накренилась и беззвучно плавно пошла в сторону. «Ну, вот и все, – пронеслось у него в голове. – Пусть будет, как будет, главное, что не боевики. Эти хотя бы не порубят живого на куски и не скормят собакам». И он провалился в темноту.

Только через две недели Виктор стал постепенно приходить в себя и слышать окружающие шумы. А через месяц уже сносно различал голоса. Выписывая его из госпиталя перед отправкой домой на долечивание, врач предупредил, что глухота, по все видимости, полностью не пройдет никогда, и предостерег от волнений. А когда Виктор спросил, сможет ли он продолжать службу, присутствовавшая при разговоре медсестра прыснула от смеха. Оторвавшись от своих записей, врач внимательно посмотрел на него поверх очков круглыми, на выкате глазами и, четко разделяя слова, наставительно произнес:

– Ты – контуженный, но еще не придурок. Какая служба? Пройдешь комиссию и поступай в пастухи. По тебе и так могила плачет. Благодарю Бога, что жив остался и до дома может быть доедешь.

Вот это «могила плачет» и определило его дальнейшую судьбу. «Если так, – решил Виктор, – то, какая разница, когда это случится? Не пастись же в самом деле вместе с коровами!».

Поначалу он и сам верил своей выдумке о полном излечении, но захватывающие время от времени приступы заставили вернуться с небес на землю. Он начинал чувствовать их приближение за час – полтора. Сначала кружилась голова, потом все вокруг начинало искажаться, голову будто стискивало стальными обручами, и он проваливался в черную беззвучную пустоту. Иногда во время очередного приступа ему казалось, что он вновь в вертолете, уносящим его из объятий смерти. Он так и не узнал, кто вытащил его из-под трупов там, на дороге неподалеку от сгоревшей машины, погрузил в вертолет и доставил в госпиталь. Расспрашивать было некого. Раненых и убитых транспортировали сотнями, не больно-то разбираясь, кого – на лечение, кого – в морг. Бывало, что люди приходили в себя, уже числясь «грузом 200». Ему еще повезло, что он вовремя очухался, а мог бы и замерзнуть в каком-нибудь сарае в ожидании гроба.

6

– А банька-то, банька! – встрепенулся Вован и сломя голову помчался вниз.

Производившая снаружи впечатление просторной и вместительной, внутри баня оказалась маленькой. Но, несмотря на это, удобной. Большую часть закрытой веранды занимал солидных размеров стол, вокруг которого были расставлены скамьи. В помещении разливался приятный аромат то ли кедра, то ли какого-то другого пахучего дерева. В парилке могли поместиться только двое, поэтому парились по очереди. Сначала пошли Леонид с Геннадием, а когда вернулись, за ними последовали Виктор с Александром Востриковым.

– А чего Вован не парится? – спросил Стрельников, устраиваясь на полке.

– Почем я знаю? Может нам угодить хочет. Видишь, хлопчет-то как, будто мы ему родные.

– У него-то есть кто или все так же один?

– Сестра у него вроде. Замужем, в соседней области живет. Не так давно бабу завел, да не получилось у них ничего. Вот он у Игоря теперь и кантуется. Остапчук его, считай, из тюрьмы вытащил, вот теперь Вован ему и отслуживает.

– Что? Из тюрьмы? – удивился Стрельников.

– Что слышал. Вовану года четыре светило. Остап его еле отмазал. С ним такая история приключилась. А ты, чего, не знаешь?

– Откуда?

Слушая Вострикова, Виктор припоминал подробности этой операции. По фантастическому совпадению он, оказывается, принимал участие в задержании той самой преступной группы, расхищавшей топливо из бензопровода, в которой участвовал Погорелов. Она проводилась вскоре после того, как он, вернувшись из Чечни, поступил в ДПС. Но в материалах уголовного дела фамилия Вована почему-то даже не упоминалась.

...Уже совсем стемнело, когда издалека послышался шум мотора и появился едва различимый в тумане свет подфарников. Бензовоз приближался на минимальной скорости, словно крадучись. Подъехав почти вплотную к трубопроводу, водитель заглушил двигатель и вышел из кабины.

– Где тебя черти носят? – пробурчал из темноты недовольный голос.

– Заблудился, – ответил Погорелов. Он никогда прежде не бывал в этих местах и, свернув с трассы через несколько километров после указанного на карте проселка, вынужден был сделать большой крюк, чтобы оказаться на месте.

– В другой раз заблудишься, без навару останешься. Ладно, давай заправляться...

Не прошло и получаса, как в бензовоз закачали несколько сот литров бензина и он, уже не таясь, устремился к городу. В ту же ночь постоянные клиенты были извещены, куда и когда приезжать за бензином.

Отмечая успешное завершение воровской операции обильным возлиянием, Вован с приятелями не подозревали, что они на этот раз стали участниками другой, милицейской операции, названной сотрудниками уголовного розыска «Лиса».

Незадолго до этих событий в Управление уголовного розыска областного УВД по агентурным каналам поступила информация о том, как происходят хищения из нефтепродуктопровода. В засаде приняли участие кроме работников отдела уголовного розыска и отдела по борьбе с экономическими преступлениями также сотрудники частного охранного предприятия. Они задокументировали детали происшествий, отдельные эпизоды сняли на видео пленку. Удалось выявить и места хранения краденого топлива, а также несколько коммерческих автозаправочных станций, через которые был организован его сбыт.

Накануне все службы были подняты на ноги. Досталось и Виктору. Группа была хорошо организованной и наиболее дерзкой по сравнению с другими, с которыми милиции пришлось иметь дело в последнее время. За короткий промежуток времени ей удалось совершить, как минимум, шестнадцать краж бензина. В ходе разработки одного из арестованных, выяснилось, что он находился в межгосударственном розыске за умышленное убийство трех человек. Было очевидно, что на этом кражи из топливопровода не закончатся. В Чечне это было делом привычным. Виктору приходилось принимать участие в подрывах подпольных мини-заводов по производству бензина. Но дурные примеры, как известно, заразительны: кражи стали происходить и в соседних областях. Но здесь воровали с помощью врезок.

Ситуацию под контроль все-таки взяли, хотя пришлось задействовать практически все службы. А вскоре в отдел поступило заявление о том, что время от времени, в основном по ночам, в магистральном трубопроводе, связывающем нефтеперегонный завод с нефтебазой, по не установленным причинам падает давление. Нетрудно было догадаться, что здесь не обошлось без преступников. В ходе разработки версии оперативники вышли на нескольких подозреваемых, узнали, что скоро они собираются на «дело». Неподалеку от деревни, расположенной возле трубопровода, сотрудники уголовного розыска устроили засаду. Чтобы установить каналы сбыта похищенного топлива, на месте преступников не стали задерживать, а передали информацию на посты ГИБДД. Виктор вместе с напарником как раз дежурил на одном из них – ближайшем к тому месту, где ЗИЛ выехал с проселка на шоссе. Водитель, а им, как теперь узнал Виктор, был Владимир Погорелов, его бывший однополчанин, выбравшись на трассу, резко увеличил скорость. Догнать его оказалось непросто. Как потом выяснилось, он был оснащен двумя ведущими мостами и развивал скорость до 140 километров в час. Они вели его чуть ли не до границы с соседней областью, до тех пор, пока у служебных «Жигулей» не кончилось топливо. Его было предостаточно в преследуемом бензовозе, но Вован вряд ли согласился бы поделиться с Виктором, даже если бы и знал, кто его преследует. Пришлось связаться по рации с сотрудниками ГИБДД дальних постов. Они-то и задержали бензовоз.

– Как же ему удалось его отмазать? – спросил Виктор.

– Ты об этом лучше Остапа спроси, если тебе интересно. Давай-ка лучше ложись, а я по тебе веничком пройду. Давно в такой баньке не парился?

– Да я уж и не помню, когда в последний раз.

– Ну вот, сейчас я на каменку малость плесну.

Со стороны печки раздалось шипение, и воздух в парной раскалился до такой степени, что у Виктора перехватило дыхание.

Стол на веранде при бане, как и в доме, был обилен и богат. Но успевшие привыкнуть к такому великолепию приятели уже не обращали на это внимания. Тем более что все были сыты и на достаточном взводе, чтобы вести бесконечный разговор, начатый еще в доме. Им было о чем поговорить. У всех дела шли неважно, и каждый рассчитывал на помощь других.

О том, что все в этой компании было завязано на Остапчуке, нетрудно было догадаться уже по тому, как он себя вел с остальными. Хотя кроме Погорелова никто к нему по имени и отчеству не обращался, дистанция явственно ощущалась.

Игорь тоже не парился. Он уютно расположился в углу напротив Селезнева, закутавшегося в простыню, и внимательно слушал рассказ Леонида. Все трое делали вид, что не замечают присутствия Погорелова, который, то менял тарелки, то подавал новые закуски, успевая по пути от бани к кухне приглядывать за шашлыком, скворчащим на углях во дворе.

– Ну и чем кончилась эта история? «Кого же Стрелец-то подстрелил?» —спросил Селезнев.

– Чем кончилась? Ясно, чем: повязали нас. Наручники надели, мне в морду дали. Не сильно, а так, для остротки. Витек как куль лежал. Его даже не тронули. Перенесли в кабинет директора, положили на диван. Стали разбираться, кто мы, откуда. Стрельцу врача вызвали, подумали сначала, что ранен. Я тоже так решил. Лежит, не шевелится, хотя крови не видать. А сам, как деревянный, будто покойник закоченевший, но дышит. Меня рядом посадили. Даже не обыскали. Я документы им сразу под нос. А они – ни в какую. «Лепи, – говорят, – кому другому. Мы тебя знать не знаем». Ну, короче, пока они суетились, я в райотдел позвонил, начальнику. Хорошо, что он на месте оказался. Минут через двадцать подлетел с сиреной, с мигалками, надавал своим архаровцам, как положено. Хотел Витькин пистолет забрать. У него, как назло, с собой ни паспорта, ни удостоверения. Поди, докажи, что из милиции. Короче, под мое слово оставил. Власть, знаешь ли, великая сила. Ну, я Витьку – к себе в машину и повез к нему домой. Раздел, уложил. Врач сказал, что к утру оклемается. Это у него, видать от контузии.

– Он что, контузию получил? – удивился Остапчук.

– Да, когда остался после нас. Никому, оказывается, не сказал. Потом признался, что у него время от времени бывают такие приступы.

– А ты у него не интересовался, зачем ему, гаишнику, вне службы табельное оружие? – неожиданно спросил Остапчук, исподлобья взглянув на Портнова. – К тому же в ресторане и тем более без удостоверения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.